

УДК 811.161.1'929Чернов

Концептуальные оппозиции в формировании языковой личности социалиста-революционера начала XX века В. М. Чернова

И. Н. Лузенина, С. В. Шиндель

Лузенина Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации, Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ имени Г. В. Плеханова, inluz@mail.ru

Шиндель Светлана Владимировна, кандидат культурологии, доцент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации, Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ имени Г. В. Плеханова, schindelswetlana@mail.ru

В работе рассматривается онтологическая связь языкового бытия и национальной языковой личности социалиста-революционера В. М. Чернова. На основе анализа концептуальных оппозиций в дискурсивном пространстве авторского текста предпринимается попытка выявить когнитивно-прагматические и ценностные ориентиры языковой личности социал-демократа и воссоздать языковую картину мира эпохи революционного надлома.

Ключевые слова: языковая личность, бытие, экзистенциальная картина мира.

Поступила в редакцию: 17.01.2020 / Принята: 09.02.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Conceptual Oppositions in the Formation of the Linguistic Identity of a Socialist Revolutionary of the Beginning the 20th Century V. M. Chernov

I. N. Luzenina, S. V. Shindel

Irina N. Luzenina, <https://orcid.org/0000-0001-6628-258X>, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, 89 Radishcheva St., Saratov 410003, Russia, inluz@mail.ru

Svetlana V. Shindel, <https://orcid.org/0000-0002-5253-0068>, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, 89 Radishcheva St., Saratov 410003, Russia, schindelswetlana@mail.ru

The work considers the ontological connection of linguistic existence and the national linguistic identity of the socialist revolutionary V. M. Chernov. It is attempted to identify the cognitive-pragmatic and value orientations of the linguistic identity of the Social Democrat and recreate the linguistic worldview of the epoch of the revolutionary crisis, by means of the analysis of conceptual oppositions in the discursive space of the author's text.

Keywords: linguistic identity, existence, existential worldview.

Received: 17.01.2020 / Accepted: 09.02.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-275-280>

Виктор Михайлович Чернов – выдающаяся личность в истории XX в. Яркий политический деятель, идейный лидер, отдавший социал-революционной партии России 30 лет жизни, он приветствовал падение царизма, занимал в новом правительстве пост министра сельского хозяйства, был первым и последним председателем Всероссийского Учредительного собрания. После революционных событий октября 1917 г. В. М. Чернов был вынужден вести на Родине нелегальную «подпольную» жизнь, а спустя некоторое время в качестве политического эмигранта бежал сначала в Эстонию, а затем в Германию. Изучению жизни В. М. Чернова и его роли в революционном движении советской России посвящено много работ в области истории, политологии, социологии. Однако до сих пор нет ни одного исследования, в котором была бы раскрыта сущность языковой личности В. М. Чернова – талантливого оратора и яркого публициста.

Языковая личность В. М. Чернова представляется интересной и актуальной по нескольким причинам. Во-первых, эта языковая личность по праву может считаться образцовой языковой моделью социалиста-революционера начала XX в. Во-вторых, исследование публицистических произведений революционера с точки зрения использования языковых средств дает представление о специфике политического дискурса, бытовавшего в революционной России прошлого столетия. Политический дискурс рассматривается как неотъемлемая часть языкового бытия, в условиях которого происходит формирование и становление русской языковой личности со свойственным ей мировосприятием и системой ценностей. В-третьих, рассмотрение языковой модели социалиста-революционера на примере В. М. Чернова приглашает к осмыслению и рефлексивному рассуждению о роли социал-демократии и социал-либерализма в современном российском обществе, пониманию образа и раскрытию типичных черт современного российского политика.

В данной статье мы предпринимаем попытку проследить, в какой степени использование языковых средств отражает совокупность типовых и персонологических особенностей личности социалиста-демократа, каким образом тезаурус говорящего отражает экзистенциальную картину мира политика, какие корреляции возможны между личностной картиной мира и

бытием. При этом мы переносим акцент с собственно нарратива и личностных особенностей автора на изучение его ценностных представлений о смысле жизни и подлинном бытии, на его бытийную картину мира. В работе мы подробно остановимся на анализе концептуальных оппозиций языковой личности В. М. Чернова.

Для выявления концептуальных оппозиций в дискурсивном пространстве автобиографического текста «Перед бурей»¹ и описания когнитивно-прагматических и аксиологических аспектов языковой личности социалиста-демократа В. М. Чернова используется схема анализа А. П. Седых, включающая семно-коннотативную манифестацию языковых единиц². Эта схема анализа коррелирует с базовой, общеизвестной трехуровневой моделью Ю. Н. Караулова³ и теоретическими положениями, разработанными ярким представителем Саратовской лингвистической школы К. Ф. Седовым, согласно которым последовательное рассмотрение внешних проявлений поверхностной структуры текста позволяет исследователю продвинуться «к глубинным когнитивным механизмам дискурсивного мышления и индивидуальным особенностям социально значимой дискурсивной деятельности индивидов, что позволяет постичь закономерности эволюции языковой личности»⁴.

В мемуарах «Перед бурей» В. М. Чернов описывает исторические события в революционной России, анализирует причинно-следственные связи кризисного положения политической системы страны. Очевиден регулятивный потенциал денотативного пространства текста: автор анализирует «некие ситуации, процессы, явления, послужившие их основой закономерные связи, с целью определения их политической, экономической или иной значимости и выяснения того, какие позиции следует занять, как себя вести, чтобы поддержать или устранить такую ситуацию, такой процесс, такое явление»⁵. Как убежденный сторонник эволюционного социализма, признающий возможность построения социалистического общества только методами конституционной демократии, В. М. Чернов не приемлет и резко критикует диктаториальные методы большевистской революции, в противопоставлении этих двух сущностей заключается коммуникативная стратегия всего нарратива. Антонимическая оппозиция «конструктивный/деструктивный социализм» является центральной частью концептуальной сферы социалиста-революционера и ядром для концептуальных сфер-доноров, которые, вступая с ней и друг с другом в метафорические отношения, образуют концептуальные метафорические модели ближней периферии. Модели второго уровня также неоднородны и имеют фреймовую структуру. Предложенная нами «многоуровневая концептуальная модель позволяет создать лингвокогнитивный каркас дискурса»⁶, изучая который,

можно воссоздать экзистенциальную картину мира автора, мир его индивидуальных значений и смыслов, целей, мотивов и интенций.

Первая концептуальная метафоричная модель «нищета – разруха» вербализуется в следующих эпизодах: «На месте прежних оживленных улиц и элегантных кварталов зияли черные проломы развалин домов, ... громоздились горы снега <...> Пешеходы с бледными изможденными лицами озабоченно и молчаливо пробирались по улицам <...> На всем был отпечаток подавленности <...> На всем была печать опустошенности и запустения» (404), и сразу же погружает читателя в среду постреволюционного хаоса. В приведенных примерах коннотативными катализаторами фона выступают образные гиперболические и развернутые метафорические сравнения «оживленные, элегантные улицы – черные проломы домов», приемы экспрессивного анафорического повтора «на всем была печать...», эмоционально-экспрессивная градация «бледный/изможденный/озабоченный; подавленность/опустошение/запустение». Общий коннотативный формат начального эпизода произведения генерируется в рамках актуализации сем «испуг», «тревога» (озабоченно молчаливый), «пустота» (опустошенный), «грязь» (яма, лужа, черный). Прагматика высказываний базируется на стремлении автора уже с первых строк побудить читателя к критическому диахронному сравнению потерянного прошлого и мрачного настоящего и, возможно, имплицитно беспросветное безнадежное будущее.

С целью привнести в противопоставление прошлое/настоящее больше экспрессии и личностного отношения, автор структурирует концепт «разруха» слотами «внешний вид», «фальшивость» и «бездуховность» (ср.: «из-за привычного городского шума трамваев, имитирующих колокольный звон, не было ничего слышно...» (404)). Понятия «духовность» и «бездуховность» занимают центральное место в экзистенциальной картине мира русского человека, тем более показательна подмена духовного начала, символом которого является колокольный звон, бездушной машиной, «шумом из ничего».

Вторая концептуальная модель «отношение к режиму – борьба» имеет сложную многоуровневую структуру. Так, концепт «отношение к режиму» поддерживают слоты «большевистский режим», «военная диктатура реакционеров». Для доказательств основного тезиса «народовластие единственно возможная форма власти» (211) автор обличает, срывает маски и с левого, и с правого режимов, используя как внутри слотов, так и в оппозиции «большевизм» ↔ «белая реакция» следующие доминантные регулятивные приемы: контраст «большевизм» «молодой, постоянно восторженный, наивный и неосведомленный, но искренний идеалист ↔

тунеядцы, мещане» (405), «белая реакция» «обнищавшие, лишенные ←→ иступленные в своей ярости, бесчинствовали, и, выплескивая свою ненависть, производили массовые домашние обыски, аресты, ссылки среди населения» (406), индивидуально-авторские новообразования «политические хамелеоны» (405), метафоры «испить из горькой чаши нужды и преследования» (406), остроумное сопоставление противоречивых понятий «чем хуже, тем лучше!» (387), частое употребление вопросно-ответных комплексов и риторических вопросов, и доведение до абсурда, как элементов спонтанной устной речи. В рамках актуализации сем «обман» («политические хамелеоны» (405)), «растерянность» («что они хотят» (384)), «безнадежность» («жизнь отравлена» (385)), «ненависть» («отравлены ненавистью» (385)) создается общий коннотативный фон эпизода. Прагматическая составляющая обнаруживается в критическом восприятии автора событий в стране. Автор старается через объективный анализ притягательных и отталкивающих характеристик двух противоположностей (большевиков и белогвардейцев) побудить читателей согласиться с мнением, что эти сущности – зло для народа. Однако объективности ради следует отметить, что для описания положительных черт и деяний как большевистского, так и реакционного контента он использует не более двух предложений, а для визуализации мрачной, безысходной, жестокой реальности большевистско-белогвардейского произвола применен весь вышеназванный коннотативный инструментарий.

Концепт «борьба» имеет слоты «свободная власть народа», «героическое противостояние», «насильственное присоединение». Анализ лексического фона концепта свидетельствует о том, что его смысл группируется вокруг сем «трагедия» («трагическое осознание» (398)), «насилие» («произвол над народом» (398)), «непримиримость» («не на жизнь, а на смерть» (369)), «отказ от сотрудничества» («приглашение пришлось отвергнуть» (369)). Эмоционально-экспрессивный фон нарратива усиливается его патетическим стилем и характерными этому стилю фигурами речи: прецедентными текстами (фразеологизмы «вести борьбу не на жизнь, а на смерть», «откусив палец, они откусят и руку», выражение на латыни: *ad absurdum* (403)), сравнениями («поражение почетнее, чем капитуляция» (403)), сложными причинно-следственными предложениями, многочисленными эпитетами («геройская смерть», «бесславное поражение», «диктаторский, узколобый произвол» (356)), параллельными повторами («к капитуляции за капитуляцией, к поражению за поражением» (345)), градацией («построит/вымуштрует/дисциплинирует» (387)).

Мотивационная составляющая текста базируется на кумулятивном принципе, исполь-

зующем все это богатство форм языкового изложения. Воодушевленно говоря в начале анализируемого отрывка о необходимости народного противостояния реакции и слева, и справа, автор заканчивает его криком отчаяния: «Кто был никем, тот станет всем! До чего же простой была история падения!» (403). Он именует примирение с большевистским режимом историей падения, убеждая читателей, что это соглашательство было построено на шантаже, насилии и лжи. Показательна интенция последнего нераспространенного повествовательного предложения «Здесь нам больше нечего было делать» (389), вопрос читателя: будет ли осуществлен задуманный план действий, остается открытым. В этой связи показательна характеристика, данная В. М. Чернову Л. Троцким: «Он сосредоточился на том, чтобы не принимать никаких ответственных решений, уклоняться во всех критических случаях, выжидать и воздерживаться»⁷.

Значимой для характеристики языковой личности Чернова является наполненная широким спектром лексико-семантических смыслов и прагматических отношений концептуальная модель «идея социал-демократии – большевистская диктатура». Концепт «идея социал-демократии» структурируют слоты «демократические ценности», «коллорабационизм», «оппозиция к режимам», «народные массы». Слот «коллорабационизм» структурируют в свою очередь ядерные семы «недоверие» («категорически отказать» (407)), «провокация» («легкая победа одной, поражение другой партии» (377)), «предательство» («сепаратные переговоры», «позднее предать» (403)). Слот «народные массы» включает самый малочисленный пласт лексики и интегрируется в экзистенциальную картину мира автора семой «симпатия», этот смысл представлен больше имплицитно, через антонимическую оппозицию «антипатия к большевикам, симпатия к эсерам». В слоте «оппозиция к режимам» выделяются семы «осуждение», «разочарование», «противодействие».

Концепт «большевистская диктатура» вступает в отношения пересечения с уже выделенным нами концептом «отношение к режиму», дополняет и уточняет его слотами «отказ от демократических идеалов», «культ партии», «провокация и террор». Слот «отказ от демократических идеалов» имплицитно включает семы «втирание в доверие», «ложь», «обман», «страх», которые одновременно выполняют две важные функции. Во-первых, они манифестируют центральные понятия, характеризующие отношение героя к событиям, и, во-вторых, являясь элементами синтаксического уровня, обладают скрытой иллокутивной силой, автор не только пытается воздействовать на социально-политическое мировоззрение читателя, но и оправдывает свою позицию дистанцирования от событий в стране, уход на нелегальное положение, отказ от разум-

ного поступательного противодействия. В слоте «культ партии» выделены семы «деспотизм», «вседозволенность». Слот «провокация и террор» представлен самым большим количеством вербальных манифестаторов, используя семы «угроза жизни», «политический террор», «сохранение власти всеми средствами», автор пытается донести до читателя мысль, что новым режимом не были созданы новые ценности, а лишь произошел возврат к старым, но в более извращенной и отвратительной форме.

Описываемая концептуальная модель не лишена также и экспрессивной иллокутивной силы. Эмоциональное напряжение в тексте создается и усиливается путем введения амплификации плеонастического типа, основанного на избыточности лексического и синтаксического наполнения текста схожими по семантике смыслами. В составе амплификации можно выделить предложения с повторяющимся смыслом «единственно верный демократический путь – созыв Учредительного собрания» («с торжественным обещанием созыва Учредительного собрания» (342); «поднят флаг Учредительного собрания» (364)), усиленные использованием градации «категорически отклонить/отказать/не верить», «политическая аморальность или моральный нигилизм» (402); метонимии «Большевицкая Россия», «Кремль», символизирующими власть, политических деятелей; окказионализмами «политическая оттепель», «фракционный деспотизм» (403); прецедентными текстами «бойся данайцев, дары приносящих» (407); фразеологизмами «попасть в мышеловку», «попасть на удочку» (358), антонимической оппозицией «легкая победа – позорное поражение» (401), «дать обещание – нарушить» (402).

Аффективный фон этой концептуальной модели создают также элементы экспрессивного синтаксиса: градация «не хотели больше слушать/их встречала с негодованием/их освистывали/на них шипели/прогоняли от трибуны прочь» (407); перечисление с усилением эмоциональной экспрессии «вся низость подобных действий публично заклемена/позорные времена существования царизма/большевицкий режим» (348).

Практически все вопросительные и восклицательные предложения представляют собой одинаково построенные синтаксические и семантические модели, что позволяет автору усилить эффект воздействия на читателя, попытаться навязать ему свое видение ситуации: «Кто за ними стоял? <...> Кого они представляли? <...> Кто на фронте будет следовать их призывам? <...> В политике можно все!» (405–407).

Эпитеты «предательский», «нецелесообразный» (407), контекстуальные синонимы «содействие/сотрудничество/обмен мнениями/переговоры» (400); «коалиция/единая платформа» (402), сравнения «открытая легализация нашей партии – мышеловка, общая провокация» (407) в

полной мере показывают отношение В. М. Чернова к описанным событиям, общественному строю, соратникам и оппонентам. В метонимиях присутствуют два основных образа: Россия и Кремль, первый заменяет русский народ, второй – политических деятелей.

Коннотативный формат текста связан с кумулятивным эффектом «доведение до абсурда», репрезентированным в предложении «Могли ли они подумать, что получают вместо этого какой-то новый, партийный абсолютизм, какой-то своеобразный опекунский социализм, олигархически-чиновничий, по строю управления казарменный и военно-каторжный по методам, словом, аракеевский коммунизм?» (412). На наш взгляд, в этих предложениях содержится весь смысл этой концептуальной модели.

Прагматика этого отрывка текста заключается в стремлении произвести эмоциональное воздействие на читателя, заставить ощутить дискомфорт от деструктивных действий властных структур, реакционных левых и правых сил, с целью побудить читателя к эмпатии, но не к созидательному действию. Интересно, что адресатом этого пафосного изложения социал-демократических идей и критики режимов является, в первую очередь, образованная, революционно настроенная прослойка интеллигенции, а не крестьяне и рабочие. Доказательством этому служит самая малая вербальная реализация слота «народные массы», актуализированного семой «симпатия».

Базовым экзистенциалом для русской языковой личности, к каковой и относится В. М. Чернов, является перманентный поиск справедливости, вера в высшую силу, чаяние высшего суда⁸. Поиск справедливости всегда занимал умы русских людей: так, у писателя А. И. Солженицына это искательство обличено в формулу «жить не по лжи»⁹. В нашем тексте концепт «справедливость» включает семы «призыв к примирению», «выжидание» ↔ «непреклонность», «недоверие», которые находятся в контрарной оппозиции и создают искомый коннотативный фон всего текста.

Синтаксические конструкции (распространенные предложения с однородными атрибутивными или вербальными конструкциями) и их лексическое наполнение (контекстуальные синонимы «проявлять инициативу/выступать в качестве посредника/предлагать платформу примирения» (401); интенсификаторы «в корне, любой ценой» (326)) объединены ключевой семой «призыв к примирению». Грамматическая конструкция будущего времени «посмотрим/будут реагировать» (401) манифестирована семой «выжидание». И наконец, на семе «непреклонность» основаны императивная конструкция «должны пойти/уяснить/понять» (402) и градация «восстановление/все личные и социальные свободы/созыв Учредительного собрания»

(316–402). Прагматическим центром этой концептуальной модели является заключительное – ядерное предложение, смысл которого можно интерпретировать следующим образом: путь к свободе, народовластию, с одной стороны, органически связан с социальной справедливостью, а с другой – не примет соглашения. Эта интенция коррелирует с глобальным контекстом эпизода и дополнительно интенсифицирует его эмоциональный заряд.

Отличительной особенностью мемуаров В. М. Чернова является самопрезентация языковой личности. Коннотативный формат этой самопрезентации реализуется в противопоставлении концептов «себя хорошего» и «другого плохого» и «характеризуется устойчивой эмотивной окраской»¹⁰. Первый концепт манифестирован в тексте семами «собственная значимость», «присутствие духа», «верность идеям социал-революции», «изворотливость», «внешность», второй – семами «коварство», «возврат к прежней тактике», «дегенерация власти», «бессилие», «ожесточение».

Если мы обратимся к вербальной реализации этих смыслов в тексте, то становится очевидным, что его прагматика базируется на трех дуальных оппозиционных категориях: «ребёнок (жена/семья) – взрослый (режим)», «товарищ – враг», «я – чужой», которые являются культурно и исторически ключевыми для русского коллективного сознания понятиями. Наполняя эти «контрастные категории языковыми единицами и фигурами речи с яркой эмоциональной, оценочной и стилистической окраской»¹¹, автор приближает читателя к мысли о тоталитаризме и авторитаризме существующего гибридного режима, об отходе от идей гуманизма, демократии и возврату к старым методам. Непроизвольно, даже у весьма критически настроенного читателя, возникает сочувствие к подвергшимся гонениям революционерам и восхищение их идейным вдохновителем. К эргономическим образным средствам относятся: анафорическое употребление местоимений «я/мой/моя/мои», эпитеты «больная женщина/бедная маленькая девочка» (184), «провокационный/отмирающий режим» (228); прецедентные тексты (фразеологизм «оказаться на волоске» (408)); средства объективации (имена собственные «Чичерин/Бухарин/Северцов-Одоевский/Вольский» и т. д. (70, 364, 365, 400)); повторяющееся уточняющее предложение «насколько мне известно» (331); лексемы тематического ряда «арест»; риторические вопросы; приемы доведения до абсурда; ирония.

В данном тексте концепт «любовь к Родине» находит эксплицитное вербальное выражение преимущественно в обращении В. М. Чернова к английской делегации в приемах экспрессивной градации «...отказ от абсолютно однозначной и открытой поддержки всех наших контрреволюционных аферистов» (411). При этом в рамках

актуализации сем «благодарность» («искренняя благодарность за все» (411)), «требование» («требование предотвратить» (411)), «важность» («мировая важность» (411)) генерируется общий коннотативный фон обращения. Прагматика отрывка связана с глобальным контекстом повести, автор намеревается, с одной стороны, поставить Россию в ряды единого социал-демократического движения Запада, с другой стороны, он не лишает ее своего самобытного поступательного движения к демократическим идеалам. Патетика речи автора дополнительно интенсифицирует эмоциональный заряд рассматриваемого отрывка.

Концептуальная модель «освобождение от легенд» заключительной части текста включает слоты «обман иностранцев», «пиетет перед иностранцами», «страх разоблачения», «равнение мифов», объединенные общими семами «обман», «правда». Эта модель коррелирует со всеми рассмотренными выше моделями, и интерес к ней вызван тем, что реализующие ее вербальные средства носят яркий аффективный субъективно-пропагандистский характер; они играют очень важную роль в описании языковой личности социалиста-революционера В. М. Чернова.

Пафосная декламация теоретических постулатов, идей и лозунгов определила усилительно-конвергентную регулятивную стратегию этой части текста. Чернов использует здесь большой арсенал регулятивных средств и структур, выполняющих три основные функции: апеллирование к западноевропейским социал-демократам, развенчание коммунистического режима и убеждение массового адресата в собственной правоте.

К доминантным экспрессивно окрашенным регулятивным средствам в тексте относятся: а) приемы контраста, усиленные градацией и синонимией: «Когда-то гонимые, рыцари свободного духа превратились потом в деспотов, гонителей, искоренителей ересей, инквизиторов совести, тюремщиков души и тела. Та же роковая судьба на наших глазах постигает и нашу правящую партию» (412); б) образные сравнения усилены использованием метафор, отсылкой к прецедентным текстам; в) ирония: «...очнувшись от гипноза, спросить своих вожakov: что сделали вы с нашим рабочим социализмом, зачем вынули вы из него самую его душу... превратили его в живой труп?» (412); г) индивидуально-авторские новообразования «бюрократическое вырождение» (412); д) частое употребление вопросно-ответных комплексов и риторических вопросов: «Об этом мечтали рабочие? Что вы сделали с нашим социализмом...?» (412). Следует заметить, что В. М. Чернов часто использует возвышенный стиль, его речь практически лишена слов и выражений с бытовыми коннотациями, единственное, что допускает автор в речи, это использование коннекторов-интенсификаторов «правда для этого/мы прекрасно знаем, что...» и т. д. (342, 382, 406, 407, 365).

Коннотативный формат высказываний усиливается и достигает своего апогея с использованием приема доведения до абсурда, который манифестирует эмоцию «обличение режима/развенчание легенд». Прагматика текста базируется на стремлении автора убедить получателя информации в своей правоте, заставить его критически, порой с иронией и сарказмом осмысливать действительность, переманить его на свою сторону, на сторону социал-демократических идей, оппозиционных существующему режиму.

Проведенный лингвопрагматический анализ мемуаров В. М. Чернова «Перед бурей» позволяет сделать следующие выводы.

1. Текст мемуаров «Перед бурей» базируется на кумулятивном принципе: представленный в работе трехуровневый лингвопрагматический анализ дает объективное представление о богатстве форм языкового изложения, которыми оперирует В. М. Чернов.

2. Многоуровневая структура языковых средств реализует себя в виде взаимодействия концептуальной, лексической и синтаксической моделей; в тексте организуется уникальная языковая среда политического дискурса, которая четко маркирует историческую эпоху революционного надлома, политические события, социально-демократические взгляды В. М. Чернова.

3. Манера языкового изложения В. М. Чернова отличается пафосом, использованием характерных для возвышенного стиля фигур речи (метафорические модели, гиперболические и развернутые сравнения, индивидуально-авторские новообразования, фразеологизмы, эпитеты, афоризмы, параллельные повторы); повествование устремлено в будущее, сопровождается экспрессивно-эмоциональным синтаксисом, носит яркий аффективный субъективно-пропагандистский характер. Концептуальные оппозиции являются, по сути, рефлексией интенций и убеждений политического деятеля, играют важную роль в формировании языковой личности В. М. Чернова.

4. В. М. Чернов является образцовой языковой моделью социалиста-революционера России начала XX в. Семантическая, коннотативная и прагматическая составляющие речи В. М. Чернова характеризуют его как элитарную, эмоциональную, ироничную, критичную личность, умеющую твердо отстаивать свои идейные по-

зиции, владеющую средствами объективизации действительности и убеждения как сторонников, так и оппонентов.

Примечания

- 1 См.: Чернов В. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953. URL: http://az.lib.ru/c/chernow_w_m/text_0020.shtml (дата обращения: 01.12.2019). В дальнейшем все цитаты приводятся по этому источнику с указанием страниц в скобках.
- 2 См.: Седых А. Идеологические элементы фразеологии политического руководителя (на материале дискурса В. В. Путина и А. Меркель) // Политическая лингвистика. 2012. Вып. 1 (39). С. 57–67.
- 3 См.: Караулов Ю. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. С. 51.
- 4 Седов К. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999. С. 7.
- 5 Князев А. Энциклопедический словарь СМИ. Бишкек : КРСУ, 2002. С. 66. URL: https://loviknigu.ru/book/энциклопедический_словарь_сми/read (дата обращения: 01.12.2019).
- 6 Лузенина И., Усанова К. Национальная специфика семантики концептуальных зон с высоким уровнем денотативной общности // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10, № 3–3. С. 182.
- 7 Троцкий Л. Историческое подготвление Октября. Часть II : От Октября до Бреста. URL: <http://www.souz.info/library/trotsky/trotl445.htm> (дата обращения: 01.12.2019).
- 8 См.: Владимирова Т. Русская языковая личность в межкультурной коммуникации : металингвистическая парадигма // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г.) : в 15 т. Т. 9. СПб. : МАПРЯЛ, 2015. С. 66–67.
- 9 См.: Шиндель С. Александр Солженицын и Генрих Бёльль : диалог культур : дис. ... канд. культурологии. Саратов, 2009. С. 28.
- 10 Седых А., Быканова М. Языковая личность музыканта : Александр Скрябин, Клод Дебюсси. Белгород : ИД «Белгород», 2016. С. 81.
- 11 Жуйкова П., Лузенина И. Стилистические особенности искусствоведческого дискурса // Язык и мир изучаемого языка : сб. науч. ст. Вып. 10. Саратов : Изд-во ССЭИ РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2019. С. 33.

Образец для цитирования:

Лузенина И. Н., Шиндель С. В. Концептуальные оппозиции в формировании языковой личности социалиста-революционера начала XX века В. М. Чернова // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 275–280. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-275-280>

Cite this article as:

Luzenina I. N., Shindel S. V. Conceptual Oppositions in the Formation of the Linguistic Identity of a Socialist Revolutionary of the Beginning the 20th Century V. M. Chernov. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 275–280 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-275-280>